

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО

О.Г. Твердохлеб

Аннотация. Обосновывается идея о том, что употребление причастий оказывается значимой характеристикой идиостиля Иосифа Бродского. Описаны извлеченные методом сплошной выборки из стихотворений и поэм И. Бродского соматизмы, называющие части тела человека и атрибутивно охарактеризованные временным процессуальным признаком, обозначенным формами причастия – одиночного или в составе причастного оборота. Предложена классификация соматической лексики, позволяющая описать тематическое разнообразие соматизмов, а также частотность их употребления поэтом в сочетаниях с согласованными определениями, выраженными причастными формами, в зависимости от принадлежности соматизмов к конкретной или абстрактной лексике, с дальнейшим делением ее на группы и подгруппы – с учетом противопоставления «общее / частное / микрообъект», «внешнее / внутреннее», «материальное / духовное», «натуральное / искусственное», а также с учетом функциональности. Приводятся количественные данные об использовании соматических номинаций в сочетаниях с атрибутивным процессуальным признаком в форме причастия, показывающие наиболее значимые для поэтического мироощущения И. Бродского соматизмы, в частности: а) тематическая лексическая группа «наружные части тела» и б) самые высокочастотные среди соматизмов лексемы *глаз, рука, лицо, сердце*. Отмечена достаточно частая атрибутивная процессуальная характеристика частей тела и органов человека в отрицательных конструкциях, что свидетельствует о желании поэта убеждать от реального человека, а следовательно, и от его физического тела. Делаются выводы о том, что анализ частотности различных тематических групп соматизмов в синтагматическом окружении с причастными формами в идиостиле И. Бродского, обусловленной экстралингвистическими и лингвистическими факторами, позволяет проникнуть в закономерности образного видения реального мира и освоения его творцом через «телесный код». Языковой материал и полученные в работе результаты могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество И. Бродского.

Ключевые слова: причастие; соматизмы; части тела; внутренние органы; идиостиль; И. Бродский.

Введение

Осознание себя как личности, существующей в пространстве и времени, для человека началось с ощущений, возникших у него при помощи непосредственно окружающих его «орудий» – органов чувств и частей его собственного тела, ставших, по утверждению видных философов и культурологов (Эрнст Кассирер [1. С. 140], В.Н. Топоров

[2. С. 244], Ю.М. Лотман [3. С. 399]), основой древнейшей категоризации Вселенной.

Принимая во внимание то, что «языковые знаки любого уровня сложности, включая морфологию и синтаксис, части речи и члены предложения, тексты и гипертексты, по всей вероятности, не могут не содержать в себе информацию, релевантную для понимания культуры иного народа» [4. С. 43], мы, продолжая исследование причастий [5], проанализируем эстетическую функцию этой глагольной формы в сочетании с культурно значимыми номинациями частей тела человека.

Объектом нашего исследования является поэтический язык И. Бродского.

Предметом исследования стали поэтические конструкции поэта, в которых разные тематические группы соматической лексики, называющие части тела человека, представлены в разном синтагматическом окружении с причастными формами.

Цель исследования – анализ количественного и тематического своеобразия соматической лексики, с разной степенью частотности характеризуемой Иосифом Бродским при помощи временного признака по действию в форме согласованного определения, выраженного разными причастными формами, что позволило выявить некоторые доминантные поэтические предпочтения соматизмов поэтом и проникнуть в закономерности образного видения творцом человеческого тела как части самого человека в реальном мире.

В работе использовались методы исследования: а) сплошная выборка соматизмов в электронном поэтическом собрании И. Бродского, включающего 612 текстов (стихотворений и поэм) [6] (далее все примеры по этому источнику); б) классификация; качественный и количественный анализ полученных данных с целью выявления особенностей описания человеческого тела в идиостиле И. Бродского.

Постановка проблемы

В отличие от прилагательных, обозначающих пассивный признак предмета, причастия, обладая грамматическими категориями времени, вида, залога, отражающими становление признака, обозначают признак активный. Активный признак, возникающий в предмете благодаря его деятельности, проявлению его собственной энергии [7. С. 115], выражает действие или состояние «как временный признак» [8. С. 205]. Поэзия Иосифа Бродского, по мнению многих ученых (Е. Ваншенкина (1996), М.Б. Крепс (1984), Е.Г. Штырлина (2010) и др.), тоже связана с идеей времени.

Заложенные в грамматической структуре языка возможности причастных форм, синкретично соединяющие в себе энергию глагола с

описательной экспрессией прилагательного [9. С. 665; 10. С. 324], позволяют автору создавать разные поэтические образы, представляя их признаки в динамике. При этом причастные формы, «обозначая недоступные прилагательному качественные ситуативные признаки предмета», «значительно расширяют сферу признаковой характеристики предметов» [11. С. 8], что и способствует активному функционированию этих форм в неофутуристической поэтической речи Бродского, характеризующейся пристрастием к самым сложным, затрудненным синтаксическим конструкциям [12–14].

В настоящее время ученые самых разных областей знания достаточно устойчиво проявляют интерес не только к человеку в целом, но и к частям его тела. Соматизмы (от греч. *sôma* ‘тело’) как совокупность слов, обозначающих человека как живой организм [15–17], входящие в число ключевых лексических единиц, рассматриваются с точки зрения формирования, функционирования и концептуализации в разных языках (Ю.А. Башкатова, К.Г. Завалишина, Е.И. Кириленко, О.Б. Клевцова, И.М. Кобозева, И.С. Козырев, А.М. Кочеваткин, В.В. Подгорная, А.П. Ракин, Е.В. Рахилина, Н.С. Рыжук, Т.В. Цивьян, А.Д. Шмелёв) и в диалектах (О.Н. Артемьева, Н.Г. Гынзанова), а также в рамках семиотики (С.Л. Григорьева, Н.В. Григорьев, Д.Б. Гудков, Г.Е. Крейдлин, М.А. Ковшова, М.А. Кронгауз, А.Б. Летучий, С.И. Переверзева, Е.В. Урысон, А.А. Уфимцева), в мифологии, фольклористике, лингвистике церковнославянских и древнерусских текстов (Г.Д. Гачев, Т.И. Вендина, В.В. Колесов, А.А. Кузмин, Н.Е. Мазалова, Н.В. Масалева, Н.В. Пушкирева, О.В. Старых, С.М. Толстая, А.Л. Топорков, Й. Ужаревич, И.В. Утехин, Л.А. Черная, Л.Е. Этинген) и во фразеологии (Т.А. Бердникова, О.А. Боргоякова, Р.М. Вайнтриуб, Ф. Вакк, Д.Б. Дашиева, Н.В. Дмитриук, П.С. Дронов, А.А. Занковец, Чж. Сюеин и др.).

Многие лингвисты (В.С. Баевский, Л.А. Жданова, А.С. Киндеркнехт, Н.В. Павлович, И.В. Романова, Т.А. Самойлова и др.) указывают, что соматическая лексика в качестве одного из древнейших пластов лексики является традиционным образным средством языка. Есть исследования, описывающие эстетические функции соматизмов в прозе и поэзии конкретных авторов (Э.Р. Замалютдинова, А.К. Жолковский, Р.И. Климас, И.Б. Ковалёва, Л.В. Лазаренко, Ж.-К. Ланн, С.А. Мансков, С.А. Миняева, Н.О. Осипова, Д.А. Плужникова, Е.Н. Полтаробатько, В.Н. Топоров, В.Г. Харченко). Однако описание эстетической функции разных тематических групп соматизмов в сочетании с причастными формами, являющими «значимой характеристикой идиостиля» [18, 19] Иосифа Бродского, пока предпринято не было.

Актуальность темы обусловлена новейшими тенденциями в науке, связанными «с выводом телесности из сферы интимно-биологической в социальную сферу», закономерно вызывающими интерес «к

смысловой стороне функционирования телесности, которое носит исторически, этнически, культурно и личностно обусловленный характер» [20]. Исследование последнего, а именно личностно ориентированного характера соматизмов, тематические группы которых используются с разной степенью частотности и в различном синтагматическом окружении с временными причастными формами в идиостиле И. Бродского, позволяет проникнуть в закономерности образного видения реального мира и освоения его творцом через «телесный код» [21–23], делает нашу работу актуальной.

Исследование

При анализе причастных форм мы ориентируемся на основной вывод И.В. Замятиной о том, что определенная доля «глагольности», а следовательно, и «пропозиитивности» присутствует в семантике причастной формы практически всегда [24. С. 56]. Нами было выявлено свыше 2 тыс. примеров с атрибутивной характеристикой причастными формами разных объектов и понятий реального мира (см., в частности, анализ лексики тематических групп растительного, животного и водного мира в сочетании с атрибутивным признаком, проведенный нами в: [25–27]). Из них 263 случая с главным словом – соматической номинацией, т.е. более 13% от общего числа конструкций, выявленных нами в поэтических текстах Бродского, что свидетельствует о важности временной характеристики соматизмов для образного видения мира поэтом.

В ходе исследования определена плотность насыщения текста соматизмами в сочетаниях с атрибутивным процессуальным признаком в форме причастия и зафиксирован достаточно широкий круг лексем-соматизмов – 87 (во всей совокупности их словоформ, без разделения на разные формы падежа и числа). Среди них только 35 лексем представлены в словаре «Лексические минимумы современного русского языка (под редакцией В.В. Морковкина [28]) в рамках лексической группы «Части тела и органы» (тематическая группа «Организм человека»), в которой находим следующие лексемы – конкретные существительные: **тело** (13), **орган**, **голова**, **висок**, **затылок**, **лицо** (15), **лоб**, **глаза** (21), *ед. глаз*, *нос*, **рот** (11), **губы** (11), *ед. губа*, **зубы**, *ед. зуб*, **подбородок**, **щеки**, *ед. щека*, *уши*, *ед. ухо*, *шея*, **горло**, **волосы**, *ед. волос*, **коса**, **борода**, **усы**, *ед. ус*, **брови**, *ед. бровь*, **ресницы**, *ед. ресница*, **туловище**, **грудь**, **спина**, **живот**, **поясница**, **бок**, **плечо**, **рука** (20), **локоть**, **ладонь**, **кулак**, **нога**, **колени**, **стопа**, **ступня**, **пятка**, **палец**, **ноготь**, **лопатка**, **ребра**, *ед. ребро*, **позвоночник**, **сустав**, **кожа**, **мускулы**, *ед. мускул*, **сухожилия**, *ед. сухожилие*, **связки**, *ед. связка*, **мозг**, **нервы**, *ед. нерв*, **сердце** (14), **сосуды**, *ед. сосуд*, **артерия**, **вена**, **кровь**, **легкие**, *ед. легкое*, **бронхи**, *ед. бронх*, **желудок**, **слизистая**, **печень**, **почки**, *ед. почка*, **ки-**

шечник. В этом списке жирным курсивом выделены соматизмы, обнаруженные нами в сочетании атрибутивным процессуальным признаком в поэтических текстах И. Бродского. Как видим, поэтическому мироощущению И. Бродского хотя и свойственно синтагматическое соединение широко употребительных в современном русском языке соматизмов с временным атрибутивным признаком, однако более половины лексем из приведенного списка поэт не использует в сочетании с причастными формами. При этом список соматизмов, употребленных И. Бродским в исследованных нами поэтических текстах, шире за счет отсутствующих в приведенном выше перечне слов (52 словоупотребления в алфавитном порядке): *бюст, веки, вид, взгляд* (13), *взор* (11), *вымя, выя, глотка, гортань, длань, душа, зрачок, извилина, кадык, конечность, крупинка, лик, лимф, личина, морда, морщины, мослы, мышцы, нёбо, овал, око, пасть, переносица, перепонка, перст, плоть, прическа, прядь, пуд, пятерня, торс, ушная раковина, рана, свинина, седина, скулы (скула), слеза, сперма, срам, труп, уста, фигура, челка, черта, щитовидка, язык*. Такое количественное и качественное отличие соматической лексики, охарактеризованной в поэзии Бродского временным атрибутивным признаком, от соматизмов, представленных в словаре, свидетельствует о построении через наименования частей тела и органов человека собственной поэтической картины мира, фиксирующей лишь некоторые важные для поэта фрагменты мира реального. Высокая частотность (отмеченная цифрами в скобках) некоторых из лексем в нашей картотеке показывает доминантные поэтические предпочтения Бродского (подробнее о частотности конкретных лексем-соматизмов см. далее).

Придерживаясь достаточно широкого толкования соматизмов и опираясь на имеющиеся в научной литературе (Р.М. Вайнтриб [29], А.О. Кармышаков [30], А.М. Кочеваткин [31], А.А. Занковец [32], Г.Е. Крейдлин, С.И. Переверзева [33], О.В. Старых [34], Е.В. Урысон [35]) классификации, выявленную нами соматическую лексику, охарактеризованную в поэтической мысли Бродского атрибутивным процессуальным (а следовательно, выражающим временную протяженность) признаком в форме причастия или причастного оборота, мы представили в виде многоступенчатого построения, разделенного на два блока: конкретные и абстрактные, с дальнейшим выделением групп и подгрупп – с учетом противопоставления «общее / частное / микрообъект», «внешнее / внутреннее», «материальное / духовное», «натуральное / искусственное», а также с учетом функциональности. (Иногда одна и та же часть тела связана с выполнением разных функций, поэтому соматизм может входить более чем в одну группу.)

Далее мы подробнее проанализируем и опишем выявленные нами стихотворные конструкции с конкретными и абстрактными соматиче-

скими лексемами, атрибутивно охарактеризованными при помощи причастных форм в поэтическом мире Иосифа Бродского.

Конкретные лексемы-соматизмы

Как свидетельствует наш языковой материал, временной признак И. Бродский чаще использует для атрибутивной характеристики конкретных лексем-соматизмов (237 случаев, или 90%), что показывает особую значимость в эстетическом моделировании соматического фрагмента языковой картины мира поэта конкретных номинантов-соматизмов. Именно не требующие пристального исследования внешности собственно части тела, связанные, по мнению Д.Б. Дашиевой, «с восприятием мира, его познанием и изменением» и «вызывающие ассоциации с жизненными процессами, чувствами, ощущениями, физическим и умственным трудом» [36. С. 71], особенно позволяют творцу создавать разные поэтические образы, представляя их признаки в процессе изменения во времени.

Употребление конкретных лексем-соматизмов, называющих материально выраженные органы и части тела, можно сгруппировать в 5 блоков-уровней, с разной степенью частотности представленных в текстах Бродского в сочетании с атрибутивным процессуальным признаком:

- 1) молекулярно-клеточный уровень (0);
- 2) организменный уровень (21 случай; 9% от общего числа выявленных конструкций);
- 3) органный уровень (182 примера; 70%);
- 4) покровы (23 примера; 10%);
- 5) продукты жизнедеятельности (12 примеров; 5%).

I. Атрибутивные процессуальные определения при помощи причастных форм для номинаций элементов молекулярно-клеточного уровня организации живого (0) отсутствуют в поэтических текстах И. Бродского, которому не особенно свойственна эстетизация первозданного, молекулярно-клеточного строения организма. Хотя поэт и обращается к номинациям этого уровня строения тела человека (*клетка*), например, для образного описания биологических процессов мозга: *О, сжавшаяся до размеров клетки / мозга комната с абажуром* («Элегия»); *...что в мозгу скопили / клетки* («Томас Транстрёмер за роялем»).

II. Организменный уровень (21 случай) в поэтических сочетаниях И. Бродского с причастными формами репрезентируют лексемы (*организмизм, тело*), являющиеся гиперонимами по отношению к гипонимическим соматизмам следующих уровней.

Очень активно в сочетании с атрибутивной процессуальной характеристикой употребляется лексема: *тело* (13 контекстов), ср. кон-

струкции с одиночными причастиями: ...белеют *обнаженные тела* («Шествие (поэма)») и с причастным оборотом: ...но *обмякшее тело и лужу крови* («Итак, пригревает. В памяти, как на меже...»). Добавим сюда две конструкции с той же лексемой *тело*, хотя и животных: ...*завернутые листьями тела / птиц* («Стук»); ...*твое страшящееся смерти тельце* («Муха»). Поэт, номинируя тело человека как единый организм в разных состояниях при помощи различных причастных форм, ярко подчеркивает его биологическую сторону, например, при помощи устаревшей лексики: *плоть* (5), ср.: ...с юной *плотью входящей, всходящей на новый круг* («Августовские любовники»); *Плоть, пославшую мне, словно возжатых, горе* («Прощальная ода»); ...*цедающей семя / крайней плотью пространства* («Колыбельная Трескового Мыса»).

Как видим, доминантной лексемой этого уровня, характеризующей временным атрибутивным признаком, становится наиболее нейтральная лексема *тело*, лексема же *организм*, хотя и представлена в текстах Бродского: *Душа не ощущает тесноты / Ты думаешь? А в мертвом организме?* («Горбунов и Горчаков»); *Зрение – средство приспособленья / организма к враждебной среде* («Доклад для симпозиума»), но в нашем материале отсутствует. Во всех примерах лексема *тело* фиксируется в бытовых контекстах, кроме единичного случая, с подчеркнуто-нарочным возвышенным употреблением за счет атрибутивной характеристики при помощи причастного оборота, образуемого краткой формой причастия (*могуще*): *Муза-сестра, тело, размером / могуще быть Зла и Добра в мире примером?* («Подражание сатирам, сочиненным Кантемиром»).

Отметим эстетическую функцию при описании неприятных грубо-физиологических подробностей у лексики: *свинина* (1): *Мерзнущая, сырая / человеческая свинина / лежит на полу караван-сарая* («Стихи о зимней кампании 1980-го года») и лексики *труп* (дважды использована для изображения состояния разрушения): *Говорят лихие люди, что внутри, разочарован / под конец, как фиш на блюде, труп лежит нафарширован* («Представление»); ...*труп повара, завернутый в розожу* («Post aetatem nostram»). Интересно, что употребленные во приведенных случаях причастия (*мерзнущая, разочарованный, завернутый*) вне контекста Бродского грубую физиологию не отражают.

III. Среди выявленных нами соматизмов наибольшее количество (182 словоупотребления; 70%) входит в органичный уровень организации живого, включающий в себя гипонимы к лексемам предыдущего уровня. Лексемы именно этого уровня номинируют более динамичные, функционально очевидные, видимые и (в норме) естественные (присущие человеку от рождения) части тела и органы человека, а потому и становятся наиболее частотными в поэтических сочетаниях Бродского вместе с атрибутивным процессуальным временным признаком.

Конкретно-видовая соматическая лексика распределена нами по группам: лексемы, называющие наружные части тела (116); внутренние органы (28); сенсонимическая лексика (32) и номинации костей (6). Отмеченная в скобках различная частотность лексем-соматизмов указанных групп, атрибутивно охарактеризованных поэтом при помощи атрибутивного признака, также показывает важность для поэтического мироощущения Бродского функциональной очевидности частей тела и органов человека, и в частности, наружных частей тела.

1. Внешние наружные части человеческого тела являются наиболее активными у человека и функционально очевидными, поэтому Бродский особенно широко употребляет причастные формы для образной характеристики соматической (от греч. *sôma* 'тело' и *о́пута* 'имя') лексики, обозначающей, в частности, названия головы и ее частей (59), верхних и нижних конечностей (43), шеи и туловища человека (9), реже – для названий других частей и областей тела человека (5). Отбор и различная частотность поэтических соматизмов выявляют своеобразие авторского стиля.

1) Названия головы и ее частей (*голова, лицо, лоб, висок, рот, губа, щека*) в поэтических строках Бродского весьма типичны с атрибутивной характеристикой причастными формами (59 словоупотреблений).

При помощи атрибутивного процессуального признака И. Бродский характеризует лексему: *голова* (6), например, со свойственной русской ментальности значением 'объекта, активно участвующем в умственной деятельности' [37]: ...и *головой поумневшей* («Петербургский роман»); несколько чаще как просто 'верхняя часть тела, включающая черепную коробку и лицо', например, в сочетаниях с атрибутивным временным признаком по действию (*мытья, отделения*): ...забыв / *намыленную голову клиента* («Post aetatem nostram»); *Голова, / отрубленная скульптором при жизни* («Бюст Тиберия»). Есть и яркий метафорический образ: ...*золотой головой октября, / утопающей в мокром тумане* («Вот я вновь принимаю парад...»).

Общеизвестно, что голова, как и тело человека, делится на две части: переднюю и заднюю, на которой растут волосы (в норме). На задней (затылочной части черепа) человека расположены *затылок* и *макушка*, однако лексем, называющих эти части головы, в нашей картотеке в сочетаниях с атрибутивным процессуальным признаком в форме причастия не зафиксировано, за исключением лексем, связанных с номинацией волос (об этом ниже).

Поэтическое внимание И. Бродского чаще занимает важная часть головы, имеющая «ориентацию перед» [38], представленная в первую очередь нейтральной лексемой-соматизмом: *лицо* (15 словоупотреблений – 3-е место в нашей картотеке). При этом *лицо*, функциональная активность которого у человека очевидна, И. Бродский обычно

эстетизирует при помощи атрибутивного временного признака в контекстах бытового характера (при помощи процессуальных признаков от глаголов *мять*, *упрятать*, *смотреть*, *сморщить*, *заострить*, *разбить*, *гнать*, *принять*, *залить* и др.), ср. конструкции с одиночными причастиями: *Прохожий с мятым / лицом, сравнимым во тьме со снятым / с безымянного пальца кольцом* («Лагуна») и с причастными оборотами: *Сухое левантинское лицо, / упрятанное оспинками в бачки* («Зимним вечером в Ялте»). Единично находим в подчеркнуто-нароचितом возвышенном употреблении, например, в сочетании с причастным оборотом, имеющем в своем составе наречие со стилистически торжественной коннотацией (*многооко*): *...до лица, многооко смотрящего мимо* («Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова»). В поэтических строках Бродского атрибутивный процессуальный признак может характеризовать и синонимические номинации лица, отличающиеся стилистически, в частности, имеющие либо сниженные коннотации (6), ср.: лексему *личико*: *...к сморщенному личику* («Пророчество»); лексемы *морда / мордашка*: *...с разбитой мордой* («Пьяцца Матте'и»); *Мордашка, заострявшаяся к носу* («Из “Школьной антологии”»); лексему *рожица*: *...виденьем рожиц, / гонимых ветром в глаза колхозниц* («Осень в Норенской»); лексему *личина*: *...не в личине, / им принятой скорей по озорству* («Горбунов и Горчаков»); либо высокий знаковый статус – для отображения традиционных соматических представлений о семантической связи с верхом и светочностью, ср. лексему *лик* (4): *...залитый светом лик* («Вдоль темно-желтых квартир...»).

Лицевая зона является местом расположения *глаз, носа, рта, щек, висков, ушей* и других «частей частей тела» [38], раскрывающих сущность поэтического образа, создаваемого И. Бродским. В этой группе особенно заметно представлена лексема *рот* (11). Являясь функционально активным органом человека, *рот* часто атрибутивно характеризуется поэтом при помощи обычных для этого органа временных признаков (*закрытый, сказавший*). И. Бродский включает эту лексему в бытовые контексты в значении ‘непарное ротовое отверстие’: *Накрашенным закрытым ртом / лицо кричит* («Ritratto di donna»), в том числе и как часть зоонима со значением ‘вместилище’: *...ни акулу с ее набитым ртом* («Новый Жюль Верн»). Во многих конструкциях при помощи причастных форм выделяется функция говорения: *...говорящего рта* («В Англии»); *Для рта, проговорившего «прощай» / тебе, а не кому-нибудь* («20 сонетов к Марии Стюарт»); *Из рта, сказавшего все, кроме «Боже мой»* («Полонез: вариация»), хотя и здесь отмечается сниженно-бытовое представление речевого действия, ср. следующий яркий образ: *...но рта, / как рыбой раскрываемого для / беззвучно пузырящегося «ля»* («Aqua vita nuova»).

Так же обычно находим в бытовых изображениях другую часть части тела: *губы* (11). Поэт характеризует *губы* при помощи причастий становления цветового признака (*побледневшие*), нанесения вреда (*прикушенный*), субъектного или субъектно-объектного движения (*припадающий, задувавший*), ср., строки с одиночным причастием: ...и *губы побледневшие* («Шествие»); ...с *прикушенной губой* («Заснешь с прикушенной губой...»); либо строки с причастным оборотом: ...что *губы, припадавшие к плечу, / с моими, задувавшими свечу* («Шесть лет спустя»). Однако традиционно ожидаемая связь этой части лица с речью у И. Бродского, как показывает наш материал, единична: ...блеклые *губы, шепчущие «навечно»* («Цветы»); и дважды представлено лишь в конструкции со стилистически высоким синонимом *уста*: *Те самые уста! / глаголющие сладко и бессвязно / в подкладке тоги* («Бюст Тиберия»); ...уст / не имевших сказать кому («Это – ряд наблюдений. В углу – тепло...»); где, однако, с мыслью о важности этой части тела все-таки соединяется трагический скептицизм отрицания (ср. частицу *не имевших* и приставку *бессвязно*).

Поэт дает атрибутивный процессуальный признак только со значением ‘вертикального перемещения’ для лексемы: *веки* (5). Здесь отметим эстетическую функцию наиболее любимой Бродским лексемы (*опущенный, приспущенный*), используемую для характеристики этого соматизма, ср. строки из разных поэтических творений с одиночными причастиями, являющихся во всех случаях родственными (здесь и далее знаком «►» обозначаем повторяемые поэтом причастия в сочетаниях с одной и той же соматической номинацией): ► *опущенные / приспущенные*: ...мир, который в этот миг / плывет в его *опущенные веки* («Окна»); ...тьму / такую, как *опущенные веки* / обычно создают тебе для сна («Горбунов и Горчаков»); ...твой образ, в *приспущенных веках* («Отрывок»); ...смотритель *приспущенных век* («А. А. А.»).

Лексемы *глаза, нос, уши*, номинирующие органы зрения, слуха и обоняния, будут рассмотрены ниже. Функциональная неопределенность других части лица (*щека, переносица, виски*) обуславливает лишь единичные случаи их атрибутивной характеристики: ...на белую *намыленную щеку / заснувшего* («Post aetatem nostram»).

2) Следующими по частоте употребления в сочетании с атрибутивным временным процессуальным признаком являются номинации конечностей (43 контекста), из них особенно предпочитаемы поэтом обозначения верхних конечностей (36) и гораздо реже – нижних (7).

Здесь в абсолютном большинстве случаев находим номинацию верхней конечности: *рука* (20 словоупотреблений – 2-е место в нашей картотеке), что объясняется особо активной функциональностью и семантикой этой части тела в художественном мире Бродского. Поэт обращает внимание: а) на конкретную деятельность этого органа (9), ко-

торый может быть *утирающим* («Колыбельная Трескового Мыса»), *притворившим, занятым* («Портрет трагедии») или *приделанным* («Томас Транстрёмер за роялем»), в том числе характеризующимся рукотворным характером творчества, ср.: *...я пишу эти строки, стремясь рукой, / их выводящей почти вслепую* («Колыбельная Трескового Мыса»); б) на изменение положения этого органа (8), который может быть *протянутым* («Мексиканский романсеро»), *вытянутым* («В Англии»), *раскинутым* («Прощайте, мадемуазель Вероника»), *повисшим* («Aqua vita nuova»), *скрещенным* («Посвящается Пиранези») или (что особо предпочитает поэт) *разжатым*, ср.: *...разжатыми руками* («Шествие»); *...разжатых рук любви и горя, / разжатых рук* («Петербургский роман»); в) на состояние (3), при характеристике руки как *замерзшей* («Пятая годовщина»); *обнаженной* («Памяти Феди Добровольского») или *освященной* («Зофья (поэма)»).

Те же контексты (конкретной деятельности, изменения положения и на состояния: *посиневшие, поднятые, бросившие, выдвинутые, сжатые*) находим и в конструкциях с номинациями составляющих руки, ср., например, строки, где временным процессуальным признаком характеризуются части верхней конечности: *пальцы* (5) и *ладонь* (5): *...с посиневшими пальцами* («Горбунов и Горчаков»); *...ладони, поднятые к мокрой листве* («Проплывают облака»); и с лексемами *локоть* (1) и *кулак* (1): *...локоть, выдвинутый вовне* («Келломайки»); *...сжатого кулака* («Наподобье стакана...»). Однако здесь обнаруживаются некоторые стилистические особенности употребления описываемой группы лексем. Если при атрибутивной характеристике *руки* поэт выбирает нейтральный контекст, то при изображении частей верхней конечности употребляет стилистически окрашенные контексты. Так, стилистически сниженная лексема *пятерня* (2): *...больше зябнущей пятерни, / растопыренной между орлом и решкой?* («Теперь, зная многое о моей») характеризуется поэтом сразу же по двум временным признакам (сначала по состоянию *зябнуть*, а затем по конкретному физическому действию *растопырить*). Особенно яркие образы созданы в строках, где высокие архаические лексемы-соматизмы *перст* (1), *длань* (1) введены при помощи причастной формы в функции атрибутивного определения (*тычуций, потеющий*) в сниженно-бытовые контексты: *...в тычущем вдаль персте* («Наподобье стакана...»); *...и в жалости потеющую длань* («Слава»).

Названия нижних конечностей: *ноги* (5), *колени* (2) в сочетании с причастными формами поэт употребляет гораздо реже (9), чем номинации верхних. Так, И. Бродский при помощи причастных форм, выражающих временный признак по действию (*задрать, расставить, снять, согнуть*) или по состоянию (*озябнуть*), атрибутивно характеризует номинации нижних конечностей, заметим, только в явно снижен-

ных контекстах: ...к моим ногам, расставленным во мгле («Шествие (поэма)»); ...перебирает ногами, снятыми с плеч / местного футболиста («Литовский дивертистмент»); ...озябиши коленом пиная мрак («Колыбельная Трескового Мыса»). Яркий запоминающийся образ создан в строках, где номинация нижних конечностей (*ноги*) введена поэтом в сочетании с причастной формы (*задранный*) для описания здания: ...да и шпилей – что задранных ног («Время года – зима. На границах спокойствие. Сны...»).

3) Названия шеи и туловища человека (9) не очень часто характеризуются поэтом при помощи атрибутивного процессуального признака и, как правило, для передачи физического состояния номинируемых ими органов, ср., лексемы: *спина* (2), *плечо* (2), *грудь* (2), *кадык* (1) в следующих строках: ...сгорбленной спине («Из “Школьной антологии”»); ...от плеч моих покатых («Я начинаю год, и рвет огонь...»); ...и на закованной груди («Шествие (поэма)»); ...залитый тьмой кадык («Вдоль темно-желтых квартир...»). Отметим эстетическую функцию лексемы *вымя* (1), использованной в сочетании с причастной формой для создания грубой физиологичности поэтического образа: ...Наместник, чье лицо подобно / гноящемуся вымени («Post aetatem postram»). Есть и архаизм, например *выя* (1), имеющий современный аналог *шея*: ...место грусти, *выи*, / склоненной в баре («Пьяцца Маттеи»), где значение конкретного физического действия ('изменение положения') контаминируется с фразеологически связанным значением 'унижаться'.

4) Названия, являющиеся общесистемными обозначениями частей туловища человека, видимо, в малой степени привлекают внимание поэта, поэтому характеризуются временным атрибутивным признаком в единичных примерах, ср. лексемы: *торс* (3), *конечность* (1) и *бюст* (1): ...торса, / покрытого пузырьками / и пахнущего, как в детстве, йодом («Сан-Пьетро»); Согреть окоченевшую конечность («Горбунов и Горчаков»); ...не прижмет к взволнованному бюсту («На выставке Карла Вейлинка»).

2. Спланхнонимическая лексика (от греч. *splanchna* 'внутренности' и опута 'имя') – названия внутренних органов человека (пищеварительных и мочеполовых, органов центральной нервной и кровеносной систем) также атрибутивно характеризуется И. Бродским.

Здесь чаще встречаем названия пищеварительных органов: *зубы* (4), *нёбо* (3), *горло* (2), *пасть* (1), *глотка* (1), которые являются потенциально видимыми и потому способными быть охарактеризованными временным признаком по действию, например, как *ломаный* («Декабрь во Флоренции»), *заплеванный* («Портрет»), *сдавленный* («Памяти Т.Б.»), *оруций* («Желтая куртка») или состоянию: *набрякший* («На прения с самим...»), *обветшалый* («Декабрь во Флоренции»), *пе-*

ресохийший («Новый Жюль Верн»), ср.: ...**ломаным, обветшалым / плоским зубам** («Декабрь во Флоренции»). Передавая физиологическое состояние внутренних органов, поэт может акцентировать внимание на их болезни, ср.: *Человек на веранде с обмотанным полотенцем / горлом* («Колыбельная Трескового Мыса»), предпочитая причастие: ► **воспаленный / воспалившийся** (3): ...к **воспаленному нёбу** («Декабрь во Флоренции»); ...рот <...> с **воспаленным вольтовой дугой / нёбом** («Портрет»); ...из **воспалившихся гортаней** («На выставке Карла Вейлинка»). Номинация органа пищеварения **язык** (2) в нашем материале употреблена только со значением ‘основной инструмент общения’, например для создания ярких образов в следующих поэтических строках: ...как **смолкнувший язык материка** («Перед памятником А.С. Пушкину в Одессе»); **Язык, к очкам подвешенный** («Из “Школьной антологии”»).

Названия органов центральной нервной системы **мозг** (4), **нервы** (1), **извилины** (1), в норме являющиеся невидимыми, нечасто имеют временную атрибутивную характеристику в поэзии Бродского. Особенно привлекает внимание поэта лишь лексема, номинирующая **мозг** (4), который в структуре поэтического текста *не удерживает, унижен, прекратил думать: И как сплошной ожог – / не удержавший мозг* («Горение»); ...**униженный разлукой мозг** («Пенье без музыки»); ...в этом клубке **извилин / прекратившего думать о мире мозга** («Римские элегии»).

Для обозначений физиологических, порой грубых, подробностей или болезненного состояния в сочетаниях с причастными формами находим лишь единичные номинации органов, вырабатывающих физиологически активные вещества, гормоны (**печень**): ...Я думаю, **разрушенная печень** («Горбунов и Горчаков»); названия мочеполовых органов (**срам** и **мослы**): ...опричь своего **неприкрытого срама** («Время года – зима. На границах спокойствие. Сны...»); **Мослы, переполняющие брюки** («Подражая Некрасову»); ангионимические (от греч. angeion ‘сосуд’ и опута ‘имя’) лексемы, обозначающие нежидкие элементы кровеносной системы человеческого организма (**сосуд, вена**): *Нос его расцвечен / сосудами, раздавшимися вишь...* («Горбунов и Горчаков»). Употребление лексемы **сердце** в анализируемых текстах имеет некоторые особенности (об этом см. дальше). Названия внутренних органов в целом и дыхательных в нашей картотеке отсутствуют.

Яркие образы находим в поэтических строках И. Бродского, где соматизм описанной группы (**нервы, щитовидка**) при помощи временной причастной формы (**перекрученный, вздувшийся**) сравнивается (ассоциируется) с конкретным предметом (**канат, трубы отопления**): ...**нервами, перекрученными на манер каната** («Новый Жюль Верн»); ...**вздувающую щитовидку / труб отопления** («Памяти Н.Н.»).

3. И. Бродский обнаруживает достаточно пристрастное отношение к сенсонимической лексике (от лат. *sensus* ‘чувство’ и греч. *опута*

‘имя’), однако характеризует атрибутивно процессуальным признаком (и в форме одиночного причастия, и в форме причастного оборота) только названия органов зрения (гораздо чаще) и слуха (реже), с помощью которых у человека наиболее активно происходят сбор и оценка информации о мире. Обе соответствующие денотативные сферы перцепции представлены в описываемых типах конструкций даже гиперонимическими названиями, ср.: *орган* (2): ...к *органу* зрения, *занятому листвою* («Fin de Siecle»); ...*органа* / слуха, *рассчитанного на молчание* («1972 год»).

Для Бродского-поэта, как показывает наш материал, особенно важным становится изображение видение мира, окружающего лирического героя и при этом постоянно меняющегося. Этот факт подтверждает высокая частотность названий органов зрения в сочетаниях с временным процессуальным признаком. При этом важнейшим органом человека, при помощи которого воспринимается информация о внешнем мире и его изменениях во времени, являются, конечно, *глаза*, поэтому наибольшей частотностью из всех соматизмов, употребленных И. Бродским в поэтических текстах в сочетании с атрибутивным процессуальным признаком в форме одиночного причастия или причастного оборота, является лексема: *глаз* (21 словоупотребление – 1-е место в нашей картотеке). *Глаза* у поэта отражают психологические состояния человека, его физические и духовные, интеллектуальные, эмоциональные и физиологические качества, причем *глаз* может быть охарактеризован причастными формами обоих залогов:

а) как самостоятельный деятель (формами причастия действительного залога): ...*здесь, во тьме, меж глаз блестящих* («Пришла зима, и все, кто мог лететь»); *И глаз, привыкший к уменьшенью тел / на расстоянии* («Песчаные холмы, поросшие сосной»); ...*из глаз, насчитавших миллиарды волн* («Письма в бутылке»). Ср. стихотворные строки, где при помощи причастия со значением ‘движения’, характеризующего лексему-соматизм, поэт придает активность неодушевленному предмету: ...*и глядишь на меня сбегавшими из-под крана / глазами* («Стакан с водой»);

б) как пассивный деятель (формами причастия страдательного залога): ...*а жизнь бежит из глаз его раскрытых / за Гектором* («Сонет»); ...*стоят дома в прищуренных глазах* («Шествие»); ...*настороженным глазом подростка в шинели* («Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова»); *И, кроме наших глаз, / прикованных друг к другу в полутьме* («Шум ливня воскрешает по углам...»); ...*о чем для глаза, / вооруженного слезой* («Пенье без музыки»). Частотное описание органов зрения в пассивных конструкциях объясняется тем, что для поэта органы зрения могут являться не только активными информаторами об окружающем мире, но и наоборот, целиком зависеть от него: ...*глаз,*

засоренный горизонтом («Одиссей Телемаку»); **Очарованный дымкой, далью, / глаз художника вправе вообще пренебречь деталью** («Посвящается Пиранези»). Ср. также строки из «Венецианских строф»: *Свет разжимает ваш глаз, как раковину; ушную / раковину заполняет дребезг колоколов.*

Хотя основной функцией *глаз* является восприятие (зрение, видение), в поэтическом мироощущении Бродского, бегущего от реальности, этот орган часто характеризуется в контекстах: а) с частичным отрицанием связанных с перцепцией явлений, выраженным либо при помощи частицы *не-*: **Недоуменье непротертых глаз** («Шествие»); **...в космосе видно все / невооруженным глазом** («Вертумен»); **...с глазами, глядящими, не мигая, / на нее** («В Англии»); **...блик в глазах, / застывших неподвижно** («Огонь, ты слышишь, начал угасать...»); либо лексически: **...сомкнутых глаз, замерших на бегу / против течения** («Волосы за висок...»); б) с полным отрицанием перцепции, выраженным предпочтительной для поэта причастной формой: ► **невидящий / невидавший** (3), например, одиночной: **...смотрят они на нас невидящими глазами** («Цветы»); **...уоставив свой невидящий зрачок** («С грустью и с нежностью»); или в составе причастного оборота, ср.: **...глаза, отродясь не выдавшие ни моря, ни пианино** («К переговорам в Кабуле»). Отметим здесь эстетическую функцию предпочитаемого поэтом негативного физиологического образа *глаза*, связанного с кровью и изображаемого при помощи причастной формы: ► **налитый: ...с глазом, налитым кровью от ненависти, как клюква** («Воронья песня»); **С налитым кровью глазом / вы осядете наземь** («Мексиканский романсеро»), либо однокорневого с ними (*залитый*): **...с залитыми глазами жили** («На независимость Украины»). Об отрицательном отношении поэта к глазам свидетельствуют и другие строки, хотя и не включающие причастные формы, ср.: *За что нас любят? За богатство, за / глаза и за избыток мощи. / А я люблю безжизненные вещи / за кружевные очертанья их. / Одушевленный мир не мой кумир. / Недвижимость – она ничем не хуже* («Курс акций»). И еще: *Да есть ли глаз. О нет. Да есть ли слух. / Не все ль одно, что скрыто в мертвых взорах. / Не все ль равно, коль он незряч и глух <...> / глазам смотреть невмочь, <...> / Не грех закрыть глаза. / Закрыть глаза и вверх свернуть с дороги <...> / Что ж! тем верней во мрак хрусталик канет <...> / Ни рук, ни глаз, ни уст* («Пришла зима, и все, кто мог лететь...»). В противоположном же случае для создания высокой коннотации поэт использует архаический синоним *око* (1): **Разгневанным и памятливым оком** («Шествие»).

Привлекают поэта, хотя и реже, лексемы, номинирующие части глаза, например, лексема *зрачок* (4): **В расширенные от боли / зрачки, наведенные карим усиьем воли / как объектив на нас** («Портрет трагедии»); **...слезу в зрачке, наторевшем в блеске / куполов** («Декабрь во

Флоренции»); лексема *капля* (1): ...серой **каплей** зрачка, **вернувшейся восвояси** («Томасу Транстрёмру»). Если названия органов слуха (терминологическое сочетание *ушная раковина*, лексема *перепонки*), охарактеризованные причастными формами страдательного залога лишь в единичных стихах (2), создают яркие поэтические образы, например: ...войдя / в костел... в ушную **раковину** Бога, / **закрытую для шума дня**, / **шепни всего четыре слога** («Литовский дивертисмент»); *Старые часы, правильно стрекоча, / радуют ввечеру **смятые перепонки*** («Октябрьская песня»), то названия органов обоняния отсутствуют, а названия органов вкуса представлены в нашем материале только одной лексемой *язык* (об этом см. выше).

4. Номинации элементов скелетно-мышечной системы, обычно невидимые, очень редко привлекают внимание поэта. При этом остеонимическая (от греч. *osteon* ‘кость’ и *онума* ‘имя’) лексика, называющая составляющие скелета используется, в частности, для атрибутивной характеристики костей головы человека (*скула*): ...**лезвиями магнолии / гладко выбритую скулу** («Вечер. Развалины геометрии») либо костей туловища (*ребра*) животного: *Лошади бьются среди оглобель / черными корзинами **вздутых ребер*** («Осень в Норенской»), а названия мышц обнаруживаем в единственной конструкции в сочетании с одиноким причастием: ...и **сокращающихся мышц** («Бюст Тиберия»). Конечно, наиболее яркие образы создаются поэтом при соединении названий костной системы (*позвоночник* и *скулы*) с причастными формами (*громяхающий, вздутый*) для характеристики не тела человека, а других неодушевленных предметов: ...**между невидимых, но скул / пространства** («Посвящается стулу»); ...**позвоночник / поезда, громяхающий в темноте** («Элегия»).

IV. При помощи причастных форм И. Бродский характеризует телесные покровы (23 контекста). У кожных покровов (*кожа, рана, морщина*) при помощи причастных форм поэтом отмечаются лишь признаки болезненности: *Сухая **кожа, сморщенная в виде / коры*** («Из “Школьной антологии”»); ...**профиль красавицы с рваной раной** («В Англии. III. Сохо»); ...**избавляя следующую морщину** («Замерзший кисельный берег. Прячущий в молоке...»). Характеризуя номинации волосяного покрова: *бровь* (5), *волос* (3), *ресницы* (1) атрибутивным временным признаком (*высытающийся, подведенный, вклокоченный, усеченный, смежающийся*), ср.: ...**расстается... / Мицкевич – с **высыпавшейся бровью**** («Горбунов и Горчаков»); ...**рощищу **всклокоченных волос**** («Феликс»), Бродский имеет некоторые лексические предпочтения. В частности, в двух разных его стихотворных произведениях в сочетаниях с именем *бровь* повторяются: ► причастие *сросшаяся*: ***Сросшиеся брови / асимметричность подбородка*** («Горбунов и Горчаков»); ***Летает дрозд, как **сросшиеся брови***** («Гуернавака»); либо

► родственные слова (причастие *удивленный* и наречие *удивленно*): ...у *удивленной брови* («Элегия»); ...*удивленно поднятая бровь* («Шесть лет спустя»). Особо обращает поэт свое внимание на изображение временных признаков соматизмов-причесок (*локон* (4), *прядь* (4) челка (1): ...в *локонах покинутых* («Твой локон не свивается в кольцо...»); ...как на лоб *упавшую косо прядь* («Как давно я топчу, видно по каблуку...»); ...с *выбившейся челкой* («Горбунов и Горчаков»); *прическа* (1): ...*взбитых причесок* («Венецианские строфы»), при этом некоторые номинации соматизмов-причесок в поэтическом мироощущении Бродского тяготеют к коннотациям с определенным знаком, в частности, лексема *локон* связана с положительной коннотацией, ср.: ...*локоны, струящиеся* («В Англии. III. Сохо»); ...*вливающийся в цвет воды / колеблющийся локон* («В семейный альбом»), в то время как лексема *прядь* – с отрицательной, ср.: ...как *пятерню в завивленные пряди* («Литовский дивертисмент»); ...*слипшиеся пряди, / нетронутые струпами* (Из «Школьной антологии»)).

V. Лексика, обозначающая разнообразные вещества, продукты выделения и распада, вырабатываемые организмом для поддержания собственной жизнедеятельности, атрибутивно определена причастными формами в немногочисленных примерах (12). При этом частотность номинаций жидких субстанций человеческого тела в сочетании с причастными формами в поэзии Бродского напрямую зависит от признака «видимое / невидимое». Названия потенциально видимых (11) жидких субстанций используются в сочетании с временными причастными формами обычно для обозначения душевного переживания или нездоровья лирического героя, ср. лексемы: *слеза* (6): *Пролитую слезу / из будущего привезу* («Песенка»); *Капающая слеза* («Квинтет»), в том числе подробно и любовно описываемой автором с разных сторон причастиями действительного и страдательного залога, настоящего и прошедшего времени: *Из слез, дистиллированных зрачком, / гортань мне омывающих, наружу / не пущенных и там, под мозжечком, / образовавших ледяную лужу* («Отрывок»); *кровь* (4): ...во *крови любимой* («Шествие»); ...в *зализанной крови* («Холмы»). При этом поэт предпочитает причастие: ► *испорченное* (2): ...*испорченной крови* («Элегия»); ...из *крови, столь испорченной тобой* («Отрывок»). Обращает внимание и сниженная физиологичность образа в строках с лексемой: *сперма* (1), ср.: ...*белоголовки с замерзшей спермой* («Кентавры»). Названия же жидких субстанций, потенциально невидимых и, следовательно, в меньшей степени характеризующихся со стороны динамичности, функциональности, представлены в нашем материале единственным примером: *лимфа*: ...*ленты вздувшихся лимф* («Новый год на Канатчиковой даче»).

Абстрактные лексемы-квазисоматизмы

Называющие материально невыраженные сущности человека абстрактные лексемы-квазисоматизмы, охарактеризованные временным процессуальным признаком, представлены в поэзии Бродского немногочисленными лексемами в небольшом количестве контекстов (всего 26 словоупотреблений, или 10%).

1. Среди квазисоматизмов, репрезентирующих невербальное поведение персонажей (номинации движений, положений органов человека), в поэзии И. Бродского только три кинесические единицы: *взгляд* (13), *взор* (11), *жест* (2) атрибутивно характеризуются причастными формами по действию. При этом *взгляд* может быть для Бродского *встречающимся* («Посвящается Ялте»), *нырнувшим* («Прощальная ода»), *проникающим* («20 сонетов к Марии Стюарт») либо *неподвижным* («Прощальная ода»), *прикованным* и *обращенным* («Пенье без музыки»), *ограниченным* («Эклога 4-я (зимняя)»), *взор* может быть *потухшим* («Шествие (поэма)»), *открытым* и *смежающимся* («Горбунов и Горчаков»), *рассеянным* («1972 год»), *скрытым* и *вооруженным* («Чаепитие»), *залитым* («Вдоль темно-желтых квартир...»), а жест может – *всесогушим* («Горбунов и Горчаков») или *тающим* («Колыбельная Трескового Мыса»). Ср. следующие строки: ...и *взгляда, проникающего сквозь* («20 сонетов к Марии Стюарт»); ...*залитый светом взор* («Вдоль темно-желтых квартир...»); ...*жеста, в воздухе тающего без следа* («Колыбельная Трескового Мыса»). Отметим эстетическую функцию лексемы *взор* в негативном контексте: ...*когда уже / остекленевший взор больше не отличает* («Робинзонада»), что противоречит утверждению Е.В. Урысон о том, что «*взор*, в отличие от *взгляда*, отражает лишь такие чувства и состояния, которые вызывают симпатию к субъекту» [39. С. 27]. Имеются и особо предпочитаемые в поэтическом мироощущении причастные лексемы для характеристики описываемых квазисоматизмов, в частности: ► причастие *брошенный* в составе причастного оборота для характеристики лексемы *взгляд* (5), ср.: ...*от брошенного на них якобы для острастки / взгляда, скорей привыкшего не к ширине полей* («Новая жизнь»); ...*от брошенного ненароком / взгляда в окно* («Римские элегии»); ...*брошенный извне / взгляд живописца* («На выставке Карла Вейлинка»); ► одиночное причастие *напряженный* для характеристики лексемы *взор* (2), ср.: *Но в чьем-то напряженном взоре* («Мир одеял разрушен сном...»); ...*так тяжеск напряженный взор* («Сознание, как шестой урок...»); ► одно и то же одиночное причастие *померкший*, используемое для характеристики сразу двух лексем: и *взгляд*, и *взор*, ср.: *Померкший взор опередил ботинки* («Набережная р. Пряжки»); ...*теперь померкший взгляд* («Ex oriente»).

2. Немногочисленны атрибутивно охарактеризованные при помощи причастных форм квазисоматизмы, репрезентирующие внешний вид тела (9), среди которых лексемы: *черта* (3): *...и первый подвернувшийся овал / любимыми чертами заселить* («Твой локон не свивается в кольцо...»); *И не в чертах лица, / меняющихся, как у зверя* («Кончится лето...»); *овал* (1): *...и первый подвернувшийся овал / любимыми чертами заселить* («Твой локон не свивается в кольцо...»); *седины* (1): *...смотрю на затвердевшие седины* («20 сонетов к Марии Стюарт»); *фигура* (1): *Количество фигур, / в нем возникающих* («На выставке Карла Вейлинка»). Отметим эстетическую функцию квазисоматизма: *вид* (2) в сочетании с отрицательными причастными формами: *...и нас язвит / их нестерпимый вид* («Песня пустой веранды»). Поэт даже может особенно акцентировать и отрицание, и процессуальный признак в протяженной синтаксической конструкции, формально конфликтующей с графической сегментацией стихотворных строк (enjambement), искусственно отделяя отрицательную частицу *не-* (оставленную в позиции конца строки) от причастной формы (перенесенной на следующую строку), ср.: *Лицами их привит / к жизни какой-то не- / покидаемый вид* («Натюрморт»).

3. В перечень органов «наивной анатомии» наряду с обычными органами включают «нематериальный, невидимый орган (*душа*)» [35. С. 26] как внутренний орган, «локализованный где-то в груди и “заведующий” внутренней жизнью человека» [40. С. 86]. *Душа* является конвенциональным квазисоматизмом, связанным с разными условиями развития материальной и духовной культуры каждого народа в отдельности (в отличие от натуральных, появившихся по законам человеческого мышления и поэтому являющихся общими для всех языков – подробнее о противопоставлении конвенциональных и натуральных соматизмов см. в: [41, 42]). Именно в этом традиционном значении и реализуется в поэтических текстах И. Бродского в сочетании с причастными формами: лексема *душа* (5): *Для спасшейся души* («Чем больше черных глаз...»); *...и непроданная душа* («Вертумн»); *...в полотнище цвета прощенных душ* («Метель в Массачусетсе»); *...никогда ни тем, ни этим / не примиренная душа* («Три главы»); *...как души / живших до нас на земле* («Эклога 5-я (летняя)»). Добавим сюда и номинацию *души* зоонима: *...но твоей душою, / летящую совпасть с чужою / личинкой* («Муха»).

4. И. Бродский очень активно обращается к номинации *сердце* (14) как «обычного, материального органа, которому приписываются особые функции, имеющие отношение к психике человека» [35. С. 26–28], ср. конструкции причастными формами одиночными: *...люди с разбитым сердцем* («Современная песня»); *...и так как «все бывшее ожило / в отжившем сердце»* («20 сонетов к Марии Стюарт»); и в со-

ставе причастных оборотов: ...*всем сердцем Вас благодарю / – спасенным Вами* («Румянцевой победам»). В поэтическом мироощущении Бродского лексема *сердце* используется только для общепринятого поэтического изображения переживаний, ср.: *Одичавшее сердце* («Деревянный лаокоон...»); *И сердце что-то екает в груди, / напуганное страшной тишиной / пространства* («Без фонаря»). Даже для обозначения «центрального органа кровеносной системы животных и человека, нагнетающего кровь в артериальную систему и обеспечивающего ее возврат по венам» [43], например, при описании физиологического (болезненного) состояния лирического героя, эта лексема приобретает дополнительное поэтическое значение, становясь выразителем настроения, эмоции: ...*свое отвратительно работающее сердце, / начинающее неудобно ерзать / в грудной клетке / уже после третьего этажа* («Памяти Феди Добровольского»). Добавим сюда яркий образ сердца зоонима (птицы), подробно изображаемой причастиями действительного и страдательного залога, настоящего и прошедшего времени в следующих строках: *Сердце, обросшее плотью, пухом, пером, крылом, / бьющееся с частотой дрожи, / точно ножницами сечет, / собственным движимое теплом* («Осенний крик ястреба»).

Заключение

Анализ количественного и тематического своеобразия соматической лексики, характеризуемой Иосифом Бродским при помощи временного признака по действию в форме согласованного определения, выраженного разными причастными формами, позволил выявить некоторые поэтические предпочтения и проникнуть в закономерности образного видения творцом человеческого тела в процессе изменения во времени. Высокая частотность случаев (более 13%) от общего числа конструкций с одиночными причастиями и причастными оборотами свидетельствует о том, что в образном видении мира И. Бродского части тела, органы и внутренние сущности человека, подчиняющиеся законам существования и функционирования живого биологического существа и тем подразумевающие локализацию, пребывание в определенном месте и времени, активно сопрягаются с атрибутивным процессуальным признаком, а следовательно, и со свойственной творчеству поэта идеей времени. Бродский, строя собственную поэтическую картину мира, фиксирует в сочетаниях с атрибутивным процессуальным признаком в форме причастия лишь некоторые важные для него фрагменты реального телесного мира, используя не только широко употребительные в современном русском языке наименования частей тела и органов человека (*глаз, рука*), но и менее употребительные (*бюст, веки*).

Различная частотность выявленных нами тематических групп соматической лексики, охарактеризованной в поэтической мысли Бродского атрибутивным процессуальным признаком, зависит от ряда **экстралингвистических** факторов: «конкретность / абстрактность», «частное / общее / микрообъект»; «конкретная функция», в том числе «функциональность очевидная / неочевидная»; «внешнее / внутреннее (потенциально видимое / невидимое)»; «традиционная / оригинальная ассоциативность (ожидаемая / неожиданная синтагматика)»; «верх / низ»; «натуральное / искусственное».

1. Чаще (90%) атрибутивно характеризуются конкретные лексемы-соматизмы, так как они, не требуя пристального исследования, позволяют творцу создавать в эстетическом моделировании соматического фрагмента языковой картины мира разные поэтические образы, представляя их признаки в процессе изменения во времени; и лишь в 10% случаев материально невыраженные абстрактные лексемы-квазисоматизмы охарактеризованы временным процессуальным признаком.

2. В поэтических текстах И. Бродского, которому не особенно свойственна эстетизация первозданного, молекулярно-клеточного строения организма, атрибутивные процессуальные определения у номинаций элементов молекулярно-клеточного уровня отсутствуют; в 70% случаев атрибутивно характеризуются процессуальным временным признаком конкретно-видовые соматизмы (органный уровень), так как именно они номинируют более динамичные, функционально очевидные, видимые и (в норме) естественные (присущие человеку от рождения) части тела и органы человека.

3. Наибольшая частотность в текстах Бродского номинаций головы и ее частей (59), верхних и нижних конечностей (43), лексемы *рука* (20 словоупотреблений – 2-е место в нашей картотеке) объясняется функциональной очевидностью этих частей тела; функциональная же неопределенность некоторых частей лица (*щека, переносица, виски*) обуславливает единичные случаи их атрибутивной характеристики. Бродскому-поэту важно передать видение мира, окружающего лирического героя и при этом постоянно меняющего, поэтому он обнаруживает достаточно пристрастное отношение к соматизму *глаза* (21 словоупотребление – 1-е место в нашей картотеке), постоянно сочетая его с разными атрибутивными процессуальными признакам. Также поэт говорящий уделяет особое внимание и лексеме *рот* (11).

4. В поэтическом соматическом пространстве Бродского чаще оказываются способными быть охарактеризованными временным признаком по действию видимые наружные части тела либо потенциально видимые пищеварительные органы (*зубы, нёбо, горло*) и жидкие субстанции (*слеза, кровь*); названия же невидимых (в норме) органов центральной нервной системы (*мозг, нервы, извилина*) либо жидких суб-

станций (*лимфа*) в его поэзии нечасто имеют временную атрибутивную характеристику.

5. Соматические образы Бродского личностно ориентированы и оригинально включаются в новое по тематике синтагматическое окружение с причастными формами. Орган восприятия *глаз* в поэтическом мироощущении Бродского, бегущего от реальности, введен в контексты с отрицанием перцепции. Традиционно ожидаемая связь *губ* с речью у И. Бродского представлена лишь стилистически высоким синонимом *уста*.

6. Предпочтение поэтом номинаций верхних конечностей (36) и гораздо реже – нижних (7) показывает особое эстетическое внимание творца к верху человеческого тела.

7. В сочетании с атрибутивным, временным, процессуальным поэт вводит только видимые и (в норме) естественные (присущие человеку от рождения) части тела; номинаций же искусственных частей тела и фрагментов частей тела, появляющихся в результате сознательного или непроизвольного изменения человеком своей внешности, после травм (типа *культа*, *протез*) в нашей картотеке нет.

Своеобразие авторского стиля, связанного с отбором поэтических соматизмов в сочетаниях с причастными формами, обусловлено и лингвистическими факторами.

1. Стилистическая и семантическая дифференциация соматической лексики продиктована творческими задачами поэта. И. Бродский часто характеризует временным атрибутивным признаком наиболее нейтральные лексемы (*тело* как доминантная лексема организменного уровня, *рука* – уровня органного). Однако такие лексемы, как *вымя*, *сперма*, *печень*, *срам*, *мошлы*, *свинина*, *труп* в сочетании с причастной формой используются только для создания грубой физиологичности поэтического образа. Негативная физиологичность образа *глаза*, связанного с кровью, изображается им при помощи причастной формы *налитый / залитый*. Даже важнейшие части головы с ориентацией перед *лицо* (15 словоупотреблений – 3-е место в нашей картотеке) *рот* (11), *губы* поэт обычно эстетизирует в контекстах бытового характера. Реже при помощи причастной формы в функции атрибутивного определения используются высокие архаические лексемы-соматизмы (*перст*, *длань*, *выя*), однако и они даются либо в подчеркнуто-нарочитом возвышенном употреблении, либо намеренно вводятся поэтом в сниженно-бытовые контексты.

2. Наиболее яркие образы находим в поэтических строках И. Бродского, где соматизмы (*ноги*, *нервы*, *щитовидка*, *позвоночник* и *скулы*) при помощи временной причастной формы (*перекрученный*, *вздувшийся*, *громыхающий*, *вздутый*) сравниваются с конкретными неодушевленными предметами (*канат*, *здания* и др.).

3. Только в традиционном (общепринятом в поэзии) значении вводит И. Бродский в сочетания с причастными формами лексемы *душа* и *сердце*; эстетическая же функция в негативном контексте у лексемы *взор* носит индивидуально-авторский характер.

4. Имеются и особо предпочитаемые поэтом причастные лексемы для характеристики соматизмов: в поэтическом мироощущении лексема *веки* неоднократно определяются атрибутивным процессуальным признаком как *опущенные* или *приспущенные*; *рот* как *закрытый* и *сказавший*; *брови* как *сросшиеся*; квазисоматизмы *взгляд* и *взор* как *брошенные*, *напряженные* и *померкшие*.

5. Эстетическая функция квазисоматизма (*вид*) осуществляется в сочетании с отрицательной причастной формой при помощи характерного для творчества поэта enjambementa.

Таким образом, заложенные в грамматической структуре языка возможности причастных форм, синкретично соединяющих в себе временные глагольные признаки и описательную экспрессию прилагательного, позволяют И. Бродскому изображать разные ситуативные признаки семантически богатых и стилистически разнообразных наименований частей и органов человека.

Литература

1. **Кассирер Э.** Философия символических форм. Т. 1: Язык. М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. 272 с.
2. **Топоров В.Н.** Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М. : Наука, 1983. С. 227–284.
3. **Лотман Ю.М.** О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1992. Т. 1. С. 388–406.
4. **Мильтруд Р.П.** Язык как символ культуры // Язык и культура. 2013. № 2 (22). С. 43–60.
5. **Твердохлеб О.Г.** Причастия в афоризмах // Язык и культура. 2016. № 2 (34). С. 85–97.
6. **Бродский И.** Стихотворения и поэмы (основное собрание) // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: lib.ru/BRODSKI/brodsky_poetry.txt (дата обращения: 14.01.2017).
7. **Моисеев А.И.** Русский язык. Фонетика. Морфология. Орфография. М. : Просвещение, 1980. 253 с.
8. **Современный русский язык:** учеб. для студ. пед. ин-тов : в 3 ч. 2-е изд., испр. и доп. Ч. 2: Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А. Н. Тихонов. М. : Просвещение, 1987. 254 с.
9. **Русская грамматика** / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. Т. 1. 789 с.
10. **Бабайцева В.В.** Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа, 2000. 640 с.
11. **Иванова О.Е.** Семантика и функции причастного атрибута в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 21 с.
12. **Богомолова Н.К.** Семантика синтаксиса в поэтических текстах И. Бродского (На материале сложноподчиненных предложений) : дис. ... д-ра филол. наук. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. 194 с.

13. **Задворная Е.Г., Ерофеева И.А.** К вопросу о когнитивном стиле Иосифа Бродского. Минск, [б.и.], 2003. URL: www.rastko.rs/cms/files/books/49c73b5c07f36 (дата обращения: 31.01.2017).
14. **Шапир М.И.** Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов – Пушкин – Иосиф Бродский) // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 31–78.
15. **Клопотова Е.А.** Соматическая лексика енисейских языков в синхронии и диахронии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск : ТГПИ, 2002. 22 с.
16. **Козырев И.С.** Формирование словарных составов русских и белорусских языков : Соматическая лексика. Минск : Высш. шк., 1983. 127 с.
17. **Ракин А.Н.** Антропотоминимическая лексика в пермских языках / отв. ред. Г.В. Федонева; Рос. акад. наук, Урал. отд-е, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1996. 155 с.
18. **Волынец Т.Н.** Причастие в идиостиле писателя // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2001. С. 302–320.
19. **Волынец Т.Н.** Грамматический феномен причастия. Минск : Изд-во БГУ, 1998. 138 с.
20. **Чанышева З.З.** Телесная семантика в культуре и языке // Научные труды SWorld. 2014. Т. 19, № 4. С. 56–65. URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer37/183.pdf> (дата обращения: 16.03.2017).
21. **Черная Л.А.** Антропологический код древнерусской культуры. М : Языки славянских культур, 2008. 464 с.
22. **Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.** Телесный код русской культуры : материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007. 288 с.
23. **Телесный код** в славянских культурах : сб. ст., история, социальная антропология, литературоведение, фольклор / отв. ред. Н.В. Злыднева. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2005. 273 с.
24. **Замятина И.В.** Грамматика русского причастия. Пенза : ПГПУ, 2009. 264 с.
25. **Твердохлеб О.Г.** Тематическое своеобразие растительных реалий, определяемых причастными формами (в поэтическом тексте Иосифа Бродского) // International conference on modern researches in science and technology : Conference Proceedings. January 31th, 2017. Berlin, Germany : Scientific public organization «Professional science», 2017. P. 651–665.
26. **Твердохлеб О.Г.** Общие названия животных, названия их совокупностей и частей, атрибутивно охарактеризованные причастными формами в поэтическом тексте Иосифа Бродского // Филология и литературоведение в контексте межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д : Открытое знание, 2017. С. 16–27.
27. **Твердохлеб О.Г.** Акватические номинации, атрибутивно охарактеризованные причастными формами в поэтическом языке И. Бродского: тематическая классификация // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2017. № 1 (24). С. 19–27.
28. **Лексические минимумы современного русского языка** / В.В. Морковкин, Ю.А. Сафьян, Е.М. Степанова, И.В. Дорофеева ; под ред. В.В. Морковкина. М. : Рус. яз., 1985. 608 с.
29. **Вайнтрауб Р.М.** Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках // Вопросы фразеологии. 1998. № 3. С. 157–162.
30. **Кармышаков А.О.** Соматические фразеологизмы в русском и кыргызском языках : дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 1992. 243 с.
31. **Кочеваткин А.М.** Соматическая лексика эрзянского языка : учеб. пособие. Саранск : Красный Октябрь, 2001. 200 с.
32. **Занковец А.А.** Лексическая полисемия и фразеологическая активность слова: закономерности взаимовлияния (на материале ЛСГ «соматизмы» русского и белорус-

- ского языков) // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспект исследования. Брест : Изд-во БрГУ, 2008. С. 123–125.
33. **Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И.** Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов // Вопросы филологии. 2010. № 2 (35). С. 42–51.
  34. **Старых О.В.** Соматизм как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // Вестник ПСТГУ. Сер. 3 : Филология. 2011. № 2 (24). С. 80–85.
  35. **Урысон Е.В.** Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М. : Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
  36. **Дашиева Д.Б.** Изучение соматической фразеологии в современной русистике // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 10. С. 70–73.
  37. **Маслова В.А.** Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2001. 208 с.
  38. **Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И.** Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов // Вопросы филологии. 2010. № 2 (35). С. 42–51.
  39. **Урысон Е.В.** Взгляд // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова ; под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 27–30.
  40. **Шмелёв А.Д.** Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 83–99.
  41. **Вайнтрауб Р.М.** Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках // Вопросы фразеологии. 1998. № 3. С. 157–162.
  42. **Старых О.В.** Соматизм как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // Вестник ПСТГУ. Сер. 3 : Филология. 2011. № 2 (24). С. 80–85.
  43. **Большой** энциклопедический словарь (БЭС). 1999. URL: <http://slovari.299.ru/word.php?id=56997&sl=enc> (дата обращения: 18.03.2017).

Сведения об авторе:

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия). E-mail: ogtwrld@gmail.com

Поступила в редакцию 27 августа 2017 г.

THE AESTHETIC FUNCTION OF SOMATIC VOCABULARY IN THE POETRY OF J. BRODSKY

Tverdokhlebo O.G., Ph.D., Associate Professor, Department of Linguistics and Methods of Teaching the Russian Language, Philological Faculty, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia). E-mail: ogtwrld@gmail.com

DOI: 10.17223/19996195/39/3

Abstract. Substantiates the idea that the use of participles is meaningful characteristics of the idiosyncrasy of Joseph Brodsky. Described extracted by the method of continuous sampling from poems of Joseph Brodsky somatisms, calling parts of the human body and the attribute is characterized by the temporary procedural sign, marked forms of participles are solitary or part of a participial phrase. The classification of somatic vocabulary to describe the thematic variety of somatisms, as well as the frequency of their use by the poet in combination with

agreed definitions, involved in participial forms, depending on the affiliation of somatismes to concrete and abstract vocabulary, with a further division into groups and subgroups – including oppositions of “general / particular / micro-object”, “external / internal”, “material / spiritual”, “natural / artificial”, and also taking into account functionality. Quantitative data on the use of somatic nominations in combination with procedure attribute characteristic in the form of the participle, showing the most relevant to poetic perception of the world Joseph Brodsky somatismes, in particular: a) the thematic lexical group of “external body part” and b) the high frequency among somatism lexemes “the eye”, “the hand”, “the face”, “the heart”. A fairly common attribute of procedural characteristics of body parts and organs in a negative manner, which shows the willingness of the poet to escape from the real person, and hence from his physical body. The conclusions that analysis of frequencies of different thematic groups of somatic nominations in syntagmatic environment with participial forms in the idiostyle Joseph Brodsky, depending on extralinguistic and linguistic factors that can penetrate into patterns of imaginative vision of the real world and mastering his Creator through the “body code”. Language material and the obtained results may be interesting for literary critics exploring the poetic work of Joseph Brodsky.

Keywords: the participle; somatismes; body parts; internal organs; the idiostyle; J. Brodsky.

References

1. Kassirer E. (2001) *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of symbolic forms]. Vol. 1: Jazyk. M. ; SPb. : Universitetskaya kniga. 272 p.
2. Toporov V.N. (1983) *Prostranstvo i tekst* // *Tekst: semantika i struktura* [Space and Text // Text: Semantics and Structure]. M. : Nauka. pp. 227-284.
3. Lotman Yu.M. (1992) *O metazyazyke tipologicheskikh opisaniy kul'tu-ry* [On the metalanguage of typological descriptions of culture] // Lotman Yu.M. *Izbrannyye stat'i* : v 3 t. Tallin : Aleksandra. Vol. 1. pp. 388-406.
4. Mil'rud R.P. (2013) *Jazyk kak simbol kul'tury* // *Jazyk i kul'tura*. – Language and Culture. 2 (22). pp. 43-60.
5. Tverdokhlebov O.G. (2016) *Prichastiya v aforizmakh* [Participle in aphorisms] // *Jazyk i kul'tura*. – Language and Culture. 2 (34). pp. 85-97.
6. Brodsky J. *Stikhotvoreniya i poemny (osnovnoye sobraniye)* [Verses and poems (main collection)] // Lib.ru: Biblioteka Maksima Moshkova. URL: lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt (Accessed: 14.01.2017).
7. Moiseyev A.I. (1980) *Russkiy yazyk. Fonetika. Morfologiya. Orfografiya* [The Russian language. Phonetics. Morphology. Spelling]. M. : Prosveshcheniye. 253 p.
8. *Sovremennyy russkiy yazyk: ucheb. dlya stud. ped. in-tov* [The modern Russian language: Textbook for students of pedagogical institutions] (1987) M. : Prosveshcheniye. Part 2: Slovoobrazovaniye. Morfologiya / N.M. Shanskiy, A. N. Tikhonov. 254 p.
9. *Russkaya grammatika* [Russian grammar] (1980) / pod red. N.YU. Shvedovoy. M. : Nauka. Vol. 1. 789 p.
10. Babaytseva V.V. (2000) *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [The phenomena of transitivity in grammar of the Russian language]. M. : Drofa. 640 p.
11. Ivanova O.Ye. (1985) *Semantika i funktsii prichastnogo atributa v sovremenном russkom yazyke* [The semantics and functions of participial attribute in the modern Russian language]. Abstract of Philology cand. diss. M. 21 p.
12. Bogomolova N.K. (2006) *Semantika sintaksisa v poeticheskikh tekstakh I. Brodskogo (Na materiale slozhnopodchinennykh predlozheniy)* [Semantics of syntax in poetic texts of J. Brodsky (on the material of complex sentences)]. Philology doc. diss. M. : Lomonosov MSU. 194 p.
13. Zadornaya Ye.G., Yerofeyeva I.A. (2003) *K voprosu o kognitivnom stile Iosifa Brodskogo* [On the issue of the cognitive style of Joseph Brodsky]. Minsk, [b.i.]. URL: www.rastko.rs/cms/files/books/49c73b5c07f36 (Accessed: 31.01.2017).

14. Shapir M.I. (2003) Tri reformy russkogo stikhotvornogo sintaksisa (Lomonosov – Pushkin – Iosif Brodskiy) [Three Reforms of Russian Poetic Syntax (Lomonosov – Pushkin – Joseph Brodsky)] // *Voprosy yazykoznaviya*. 3. pp. 31-78.
15. Klopotova Ye.A. (2002) Somaticheskaya leksika yeniseyskikh yazykov v sinkhronii i diakhronii [Somatic vocabulary of the Yenisei languages in synchrony and diachrony]. Abstract of Philology cand. diss. Tomsk : TGPI. 22 p.
16. Kozyrev I.S. (1983) Formirovaniye slovarnykh sostavov russkikh i belorusskikh yazykov : Somaticheskaya leksika [The formation of vocabulary in the Russian and Belarusian languages: somatic vocabulary]. Minsk : Vyssh. shk. 127 p.
17. Rakin A.N. (1996) Antropotominimicheskaya leksika v permskikh yazykakh [Anthropotominimical vocabulary in the Permian languages] / *otv. red. G.V. Fedyuneva*; Ros. akad. nauk, Ural. otd.-niye, Komi nauch. tsentr, In-t yaz., lit. i istorii. Syktyvkar : Komi NTS UrO RAN. 155 p.
18. Volynets T.N. (2001) Prichastiye v idiostile pisatelya [Participle in the idiostyle of the writer] // *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste*. Perm' : Perm. gos. un-t. pp. 302-320.
19. Volynets T.N. (1998) Grammaticheskiy fenomen prichastiya [The grammatical phenomenon of participle]. Minsk : Izd-vo BGU. 138 p.
20. Chanysheva Z.Z. (2014) Telesnaya semantika v kul'ture i yazyke [Body semantics in culture and language] // *Nauchnyye trudy SWorld*. Vol. 19 (4). pp. 56-65. URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer37/183.pdf> (Accessed: 16.03.2017).
21. Chernaya L.A. (2008) Antropologicheskii kod drevnerusskoy kul'tury [Anthropological code of Old Russian culture]. M : *Jazyki sla-vyanskikh kul'tur*. 464 p.
22. Gudkov D.B., Kovshova M.L. (2007) Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu [The body code of Russian culture: materials for the dictionary]. M. : Gnozis. 288 p.
23. Telesnyy kod v slavyanskikh kul'turakh [Corporal code in the Slavic cultures] (2005) sb. st., istoriya, sotsial'naya antropologiya, literaturovedeniye, fol'klor / *otv. red. N.V. Zlydneva*. M. : In-t slavyanovedeniya RAN. 273 p.
24. Zamyatina I.V. (2009) Grammatika russkogo prichastiya [Grammar of Russian participle]. Penza : PGPU. 264 p.
25. Tverdokhlebo O.G. (2017) Tematicheskoye svoeobrazie rastitel'nykh realiye, opredelyayemykh prichastnymi formami (v poeticheskom tekste Iosifa Brodskogo) [The thematic diversity of plant realities, determined by participial forms (in the poetic text of Joseph Brodsky)] // *International conference on modern research in science and technology : Conference Proceedings*. January 31th, Berlin, Germany : Scientific public organization "Professional science". pp. 651-665.
26. Tverdokhlebo O.G. (2017) Obshchiye nazvaniya zhivotnykh, nazvaniya ikh sovokupnostey i chastey, atributivno okharakterizovannyye prichastnymi formami v poeticheskom tekste Iosifa Brodskogo [Common names of animals, names of their populations and parts, attributively characterized by participial forms in the poetic text of Joseph Brodsky] // *Filologiya i literaturovedeniye v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii* : sb. nauch. tr. po materialam I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Rostov n/D : Otkrytoye znaniye. pp. 16-27.
27. Tverdokhlebo O.G. (2017) Akvaticheskiye nominatsii, atributivno okharakterizovannyye prichastnymi formami v poeticheskom yazyke I. Brodskogo: tematicheskaya klassifikatsiya [Aquatic nominations attributively characterized by participial forms in the poetic language of J. Brodsky: thematic classification] // *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya". 1 (24). pp. 19-27.
28. Leksicheskiye minimumy sovremennogo russkogo yazyka [Lexical minima of the modern Russian language] (1985) / V.V. Morkovkin, Yu.A. Saf'yan, Ye.M. Stepanova, I.V. Dorofeyeva; *pod red. V.V. Morkovkina*. M. : Rus. yaz. 608 p.
29. Vayntraub P.M. (1998) Opyt sopostavleniya somaticheskoy frazeologii v slavyanskikh yazykakh [Experience of comparing somatic phraseology in Slavic languages] // *Voprosy frazeologii*. 3. pp. 157-162.

30. Karmyshakov A.O. (1992) Somaticheskiye frazeologizmy v russkom i kyrgyzskom yazykakh [Somatic phraseological units in Russian and Kyrgyz languages]. Philology cand. diss. Bishkek. 243 p.
31. Kochevatkin A.M. (2001) Somaticheskaya leksika erzyanskogo yazyka : ucheb. posobiye [Somatic lexicon of the Erzyan language: Textbook]. Saransk : Krasnyy Oktyabr'. 200 p.
32. Zankovets A.A. (2008) Leksicheskaya polisemiya i frazeologicheskaya aktivnost' slova: zakonomernosti vzaimovliyaniya (na materiale LSG "somatizmy" russkogo i belorusskogo yazykov) [Lexical polysemy and phraseological activity of the word: the patterns of mutual influence (on LSG material of "somatisms" of Russian and Belarusian languages)] // Slavyanskiye yazyki: sistemno-opisatel'nyy i sotsiokul'turnyy aspekt issledovaniya. Brest : Izd-vo BrGU. pp. 123-125.
33. Kreydlin G.Ye., Pereverzeva S.I. (2010) Semioticheskaya kontseptualizatsiya tela i yego chastey. I. Klassifikatsionnyye i strukturnyye kharakteristiki somaticheskikh ob'yektov [Semiotic conceptualization of the body and its parts. I. Classification and structural characteristics of somatic objects] // Voprosy filologii. 2 (35). pp. 42-51.
34. Starykh O.V. (2011) Somatizm kak osoby klass slov v leksicheskoy sisteme tserkovnoslavyanskogo yazyka [Somatism as a special class of words in the lexical system of the Church Slavonic language] // Vestnik PSTGU. Ser. 3 : Filologiya. 2 (24). pp. 80-85.
35. Uryson Ye.V. (2003) Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira: analogiya v semantike [Problems of studying the language picture of the world: analogy in semantics] / Ros. akademiya nauk. In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. M. : Jazyki slavyanskoy kul'tury. 224 p.
36. Dashiyeva D.B. (2010) Izucheniye somaticheskoy frazeologii v sovremennoy rusistike [Studying somatic phraseology in modern Russian studies] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 10. pp. 70-73.
37. Maslova V.A. (2001) Lingvokul'turologiya : ucheb. posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy [Cultural linguistics: textbook for students of higher education insitutions]. M. : Akademiya. 208 p.
38. Kreydlin G.Ye., Pereverzeva S.I. (2010) Semioticheskaya kontseptualizatsiya tela i yego chastey. I. Klassifikatsionnyye i strukturnyye kharakteristiki somaticheskikh ob'yek-tov [Semiotic conceptualization of the body and its parts. I. Classification and structural characteristics of somatic objects] // Voprosy filologii. 2 (35). pp. 42-51.
39. Uryson Ye.V. (1999) Vzgl'yad // Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka [View // New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. Pervyy vypusk / Yu.D. Apresyan, O.Yu. Boguslavskaya, T.V. Krylova, I.B. Levontina, Ye.V. Uryson, M.Ya. Glovinskaya, T.V. Krylova ; pod obshchim ruk. akad. Yu.D. Apresyana. M. : Jazyki russkoy kul'tury. pp. 27-30.
40. Shmelov A.D. (2012) Dukh, dusha i telo v svete dannykh russkogo yazyka [Spirit, soul and body in the light of the data of the Russian language] // Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Konstanty i peremennyye russkoy yazykovoy kartiny mira. M. : Jazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 83-99.
41. Vayntraub P.M. (1998) Opyt sopostavleniya somaticheskoy frazeologii v slavyanskikh yazykakh [Experience of comparing somatic phraseology in Slavic languages] // Voprosy frazeologii. 3. pp. 157-162.
42. Starykh O.V. (2011) Somatizm kak osoby klass slov v leksicheskoy sisteme tserkovnoslavyanskogo yazyka [Somatism as a special class of words in the lexical system of the Church Slavonic language] // Vestnik PSTGU. Ser. 3 : Filologiya. 2 (24). pp. 80-85.
43. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' (BES) [The Big Encyclopedic Dictionary (BED)] (1999) URL: <http://slovari.299.ru/word.php?id=56997&sl=enc> (Accessed: 18.03.2017).

Received 27 August 2017